

94(47).083.4

Воробьева Эвелина Александровна,

канд. ист. наук, доц.,

Новосибирский государственный технический университет,

tinva@yandex.ru

Камчатская миссия лейтенанта Гундзи (Япония и Камчатка в Русско-японскую войну 1904–1905 годов)

Аннотация: Статья посвящена событиям на Камчатке в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов. Подробно раскрывается один из эпизодов этой войны – экспедиция лейтенанта японского флота Сечу Гундзи в село Явино, воспринятая русской стороной как попытка захвата Японией Камчатки. Поскольку Сечу Гундзи установил в селе Явино столб с надписью о том, что Камчатка отныне принадлежит Японии, и распространил прокламации соответствующего содержания, это дало повод российским властям обвинить Японию в попытке оккупации Камчатки и, в целом, в широких захватнических планах, касающихся русского Дальнего Востока. Однако малочисленность отряда Гундзи, отсутствие какой-либо официальной поддержки (например, японского флота) и ряд других моментов дают повод усомниться в этом.

В статье приводятся уникальные биографические сведения о Сечу Гундзи, переданные автору правнучкой Гундзи (г-жой Харухи Фунакава) и позволяющие по-новому взглянуть на «экспедицию» Сечу Гундзи. Харухи Фунакава считает, что, будучи потомственным самураем, Гундзи не мог действовать иначе, чем в соответствии с духом Бусидо. Переговоры о признании Камчатки частью Японии Гундзи рассматривал как часть своего долга перед отечеством, но при этом проявил и истинную человечность, и уважение к жителям Камчатки.

Ключевые слова. История России, история Дальнего Востока, история Камчатки, Камчатское торгово-промышленное общество, русско-японские отношения, Русско-японская война 1904–1905 годов, оборона Камчатки, общественное сознание, события в Явино, Сечу Гундзи.

Среди событий Русско-японской войны есть один «частный», но весьма примечательный эпизод. Речь идет об экспедиции лейтенанта японского флота Сигэтада Гундзи (в русских источниках его пишут как Сечу Гундзи или Гунджи) и его попытке «захватить» Камчатку. Впрочем, чем на самом деле являлась данная экспедиция – спорили как современники событий, так и последующие поколения историков. Для нас же этот эпизод может послужить иллюстрацией к тому, как существующие в общественном сознании стереотипы и страхи влияют на восприятие конкретных событий и приводят, в итоге, к весьма печальным последствиям.

Но сначала – несколько предварительных замечаний. В конце XIX – начале XX века Япония начала испытывать острую нужду в продукции рыболовства (поскольку собственной стало не хватать), отсюда проистек и интерес к русскому Дальнему Востоку и, в частности, Камчатке, богатой рыбными ресурсами. Русское правительство также обратило внимание на свою далекую окраину и ее богатства. В 1895 году Петропавловский окружной начальник П.А. Ошурков рекомендовал Русскому Товариществу котиковых промыслов (компания, занимавшаяся добычей шкур) начать рыбную ловлю в устье реки Камчатка. Первый год работы оказался провальным, но в 1897 году компания наняла 48 рыбаков-японцев для ловли и обработки улова, успешно реализовав готовый продукт на японском рынке.

В этом же году общество было реорганизовано в Камчатское торгово-промышленное общество, занимавшееся морским и речным промыслом в «Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками». Примечательно, что Камчатское общество было образовано с участием японского капитала, а в самой Японии был принят закон о поощрительных премиях за рыболовство в отдаленных морях (в том числе Беринговом и Охотском).

В 1898 году Камчатское торгово-промышленное общество заготовило и продало в Японию свыше 30 тысяч пудов соленой рыбы. Кроме того, ловом рыбы на Камчатке (в официальном и неофициальном порядке) занимались десятки японских шхун. К 1900 г. браконьерский лов рыбы японцами на Камчатке составлял порядка 100 тысяч центнеров [1].

По сведениям из русских источников, приблизительно в 1900 году приказчиком КТПО стал японец Сечу Гундзи, а на рыбалках общества работали сотни японских рыбаков. Однако в 1903 году русское правительство запретило иностранный промысел в русских дальневосточных водах, а также запретило использование иностранных рабочих на промыслах. Соответственно, Гундзи перестал быть приказчиком и возвратился в Японию (по некоторым данным, предварительно объехав побережье Камчатки и составив карты полуострова).

Между тем, дело шло к войне между Россией и Японией. О том, что российская сторона подозревала японцев в намерениях захватить Командорские острова и Камчатку, свидетельствует путевой журнал начальника Командорских островов Н.А. Гребницкого, в котором Н.А. Гребницкий, в частности, писал: «Консул сообщил, не называя имени японца, находящегося с ним в сношениях, что в гавани Ханасаки, провинции Немуро, острова Хоккайдо, отставным лейтенантом флота Гунджи снаряжаются несколько коммерческих пароходов, команда которых будет состоять из резервистов флота, вооруженных ружьями армии; суда будут вооружены легкою артиллерией. Цель – занятие Командорских островов и удержание их за Японией по окончании войны, при содействии какой-то державы (читай Англия), может быть, и части Камчатки. Предполагено

отправление месяца через два. Правительство негласно дает на эту экспедицию 1 миллион иен, частные лица – до полумиллиона»¹.

21 апреля 1904 г. на Камчатку пришло известие о начале войны с Японией. По инициативе Петропавловского уездного начальника А.П. Сильницкого были предприняты меры по организации обороны Камчатки от японцев: организована дружина (которой придали форму регулярного воинского подразделения) и ополчение, установлена сигнализация створа в Авачинскую губу, выставлены дозоры в бухты Жупановскую, Кроноцкую и на мыс Лопатка, произведена раздача населению оружия, установлена застава на реке Большой. А.П.Сильницкий был настроен на жесткий отпор врага, в его приказах населению предписывалось решительно расправляться с японцами.

Между тем, в навигацию 1904 года на Камчатке высаживались, преимущественно, японские рыбаки, занимавшиеся браконьерским ловом рыбы (всего за навигацию 1904 года – порядка 50 шхун). Наконец, происходит событие, которое русская сторона расценила как попытку захвата Камчатки Японией. 3 июня 1904 года отряд под командованием Сечу Гундзи занял село Явино. Согласно донесению явинского старосты Игнатьева: «3 июня утром рано японцы подступили к селению и заняли три дома, а видели только 12 человек, в домах нам неизвестно было, японский народ был военный, а шхуна зашла в Озерную реку 30 мая»².

Явинцы бежали в сопки, несколько человек дошли до соседнего села Гольгино и «доложили о ситуации» дружинникам. Командир отряда Михаил Сотников отправил на разведку дружинника Алексея Селиванова. Выяснилось, что большая часть японцев стоит на реке Озерной, в селе Явино – 12 человек, и еще 20 японцев в устье реки Опалы.

Камчатские дружинники 28 июня расправились с японцами, стоявшими в устье реки Опалы. Судя по тому, что никакого оружия, кроме обычных рыбацких ножей, у японцев не было, отряд Сотникова имел дело с простыми японскими рыбаками.

После действий на реке Опале, М. Сотников, А. Селиванов, явинский староста Игнатьев и еще три человека отправились на разведку к селу Явино. Возле села они увидели столб с надписью по-японски и по-русски о том, что эта земля уже принадлежит Японии и кто тронет столб, тот будет убит. Само селение было разграблено – скот угнан в Озерную, внутри домов развалены печи и разбиты окна, в часовне разрушен Святой Престол. Сотников и Селиванов также произвели разведку по направлению к Озерной, обнаружив там две японские шхуны, шесть палаток и батарейные окопы³.

М. Сотников собрал в Гольгино отряд, численностью 77 человек, с целью противодействовать японцам. 15 июля он обманом взял в плен Сечу Гундзи и доктора Ода Наотаро. Операция была разыграна как по нотам. 13 июля к

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 4–5.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 118.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

Гундзи в Озерную направился явинский староста Игнатьев, якобы с намерением сдаться. Гундзи приказал последнему собрать всех жителей, потом доложить Гундзи, после чего он придет и заключит с сельчанами мир. 14 июля Гундзи было передано очередное письмо, в котором говорилось, что жители селения собраны (и готовы сдаться). 15 июля Гундзи с доктором Ода Наотаро и 2 японцами пришел в селение, где и был захвачен дружинниками в плен¹.

После захвата Сечу Гундзи, М. Сотников со всем отрядом направился к Озерной и в ночь с 16 на 17 июля атаковал стоявших там табором японцев. В ходе сражения было убито 17 японцев, а со стороны русского отряда ранено 5 человек (один смертельно). Рано утром русский отряд отошел «не имея при себе и в Явиной для довольствия провизию, а равно не имея даже фельдшера для малейшей помощи в несчастном случае», а все оставшиеся в живых японцы погрузились на шхуны и уплыли. На этом столкновение, собственно, закончилось, столб с надписью о принадлежности Камчатки Японии срубили, японский флаг сняли².

Характерно, что по поводу численности и наличия вооружения отряда Сечу Гундзи сразу начались разночтения. Сам Сечу Гундзи определял численность своего отряда в 88 человек, вооружение – берданы и две сигнальные пушки для китов³. А вот в докладах русских должностных лиц картина совершенно иная. В рапорте А.П. Сильницкого военному губернатору Приморской области указывается, что в Явино и на Озерной действовал отряд японских морских резервистов численностью в 250 человек, с хорошим вооружением (в том числе пушками), «под начальством лейтенанта японской службы Сечу Гундзи», причем само нападение на Явино и Голыгино произошло «непосредственно с японского форта, что во втором Курильском проливе, на южной оконечности острова Шумшу». «Этот отряд выгнал жителей сказанных селений в леса и горы, выкинул японский флаг, объявил Камчатку владением Японской империи и распространил в селении прокламации на русском языке, требовавшие признания Японской империи, с угрозой, в противном случае, избивать непокорных»⁴.

Таким образом, «экспедицию» Сечу Гундзи Петропавловский уездный начальник А.П. Сильницкий охарактеризовал как попытку прямого захвата Японией Камчатки, о чем им были составлены соответствующие рапорты «вверх по начальству». В этих рапортах также фигурировала информация о «военном японском форте» на острове Шумшу, который, по мнению А.П. Сильницкого и был создан для подготовки нападения японцев на Камчатку.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 120 об – 121.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 5.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4 об.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Ч. 2. Л. 507 об. – 508.

Однако сведения, предоставленные правнучкой Сечу Гундзи, г-жой Харухи Фунакава, позволяют усомниться в ряде «очевидных» (для русской стороны) вещей и, в частности, в «коварных планах» по захвату Камчатки. Итак, Сигэтада Гундзи родился в 1859 году в Токио и происходил из знатного самурайского рода. Его отец, Кода Сигенобу, после совершения революции Мэйдзи получил место в правительстве Мэйдзи, в министерстве финансов.

Сам Сечу Гундзи в 1872 году, в возрасте 13 лет, сдал на «отлично» экзамены, поступил в военно-морскую школу, для чего ему пришлось «приписать» себе лишние 2 года (так как зачисление в школу проводилось только с 15 лет). Окончив школу, Сечу Гундзи стал офицером (лейтенантом) военно-морского флота Японии. В 1878 году на японском военном судне Сечу Гундзи посетил Владивосток, где заинтересовался русским опытом освоения Дальнего Востока и, в частности, действиями русских казаков. Позже, Гундзи попытался применить «русский опыт» при создании поселения на острове Шумшу. Для защиты и освоения Северных Курил Сечу Гундзи создал организацию под названием «Хокогикай» (общество разработки Курильских островов). С 1896 года он жил на о-ве Шумшу с 57 единомышленниками.

Поскольку для успешного освоения островов требовалось также обеспечение их продовольствием, Сечу Гундзи обратил внимание на Камчатку, богатую рыбой. Есть сведения, что Гундзи официально пытался арендовать на Камчатке рыбопромышленные участки, но получил отказ. Он был убежден в важности Курильских островов, и особенно Шумшу, для Японии (и в стратегическом, и в экономическом плане), а также в ценности Камчатки. При этом он считал, что нет необходимости завоевывать Камчатку силой оружия, но для Японии важно получить доступ к ее рыбным ресурсам.

В своей статье в журнале «Eurasian Studies» Харухи Фунакава приводит сведения из японских источников о том, что Сечу Гундзи имел с жителями села Явино давние связи и его первый приход в село Явино во время «экспедиции 1904 года» выглядел с точностью «до наоборот»: не жители села, увидев японцев, спешно бежали в сопки, а японцы, придя в село Явино, обнаружили его пустым, и, прождав несколько дней жителей, ушли к Озерной, где и занялись ловом рыбы. Есть вероятность, что жители села Явино ушли потому, что им приказал так сделать капитан отряда дружинников Михаил Сотников, и приказал именно потому, что знал о дружеских связях между явинцами и Гундзи.

Но как быть тогда со столбом с надписью о принадлежности Камчатки Японии и с прокламациями? Харухи Фунакава считает, что в душе Сечу Гундзи боролись два чувства. С одной стороны, он дружески относился к жителям Явино и не хотел им зла. С другой – как патриот Японии желал ее процветания и благоденствия, а контроль над Камчаткой мог послужить одновременно и делу безопасности Японии, и увеличению источников прибыли [2].

Возможно, именно конфликт между дружеским чувством к жителям Камчатки с одной стороны, и беспокойством о судьбе родной страны с другой

и привел Сечу Гундзи к мысли об оккупации Камчатки путем переговоров. Как бы то ни было, неоспоримым является тот факт, что Сечу Гундзи высадился на Камчатке с небольшим отрядом, со слабым вооружением и полным отсутствием поддержки со стороны японского флота. На Камчатке он занимался, в основном, ловлей рыбы, и только столб с надписью свидетельствует о планах оккупации Камчатки. Примечательно также и то, что, лишившись командира, отряд Сечу Гундзи уплыл от берегов Камчатки (хотя у Сотникова было всего 77 человек). То есть никакой поддержки со стороны японского правительства Сечу Гундзи не имел.

Более того, попытка захватить Камчатку не была сделана и японским флотом в 1905 году. Известно, что в навигацию 1905 года (31 июля – 7 августа) японские военные крейсера «Сума» и «Идзуми» подходили к берегам Камчатки. Ими был обстрелян Петропавловск (и нанесены незначительные разрушения) и конфискован пароход «Австралия». Также японским десантом были разграблены склады и уездное правление, взяты документы, товары и деньги; однако никаких попыток занять Камчатку японцы не предприняли.

Для полноты картины, можно было бы сравнить действия японцев на Камчатке и на Сахалине (где так же были организованы из населения добровольные дружины, что не помешало японцам Сахалин занять).

Описывая действия Сечу Гундзи, г-жа Харухи Фунакава обращает внимание на то, что переговоры о признании Камчатки частью Японии Гундзи рассматривал как часть своего долга перед отечеством, но при этом к явинцам, которые согласились на переговоры, он отправился безоружным и всего с тремя людьми, проявив истинную человечность и следование духу Бусидо.

Таким образом, «экспедицию» Сечу Гундзи на Камчатку нельзя рассматривать как попытку ее оккупации Японией. А между тем, идея о «коварных японских планах» по захвату всего русского Дальнего Востока была «общим местом» как в докладах русских официальных лиц начала XX века, так и в исследованиях российских историков и краеведов. На обыденном уровне культивирование этой идеи приводило к росту ксенофобии и восприятию японцев исключительно как потенциальных врагов, что приводило к соответствующим последствиям.

Литература:

1. Рыбацкая летопись полуострова Камчатка
<http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/solnce/ss2.htm>
2. Haruhi Funakawa. Lieutenant Gunjis Mission: an Episode in the History of Russo-Japanese War // Eurasian Studies. – Tokyo, Institute of Eurasian Studies. – 2014. – May. – № 50. – p. 48–54.